

Николай Патрикеев

Точка Лагранжа

16+

Николай Борисович Патрикеев

Точка Лагранжа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723053

SelfPub; 2022

Аннотация

Первая постоянная космическая станция между Землей и Луной. Первый экипаж. Что-то пошло не так...

Николай Патрикеев

Точка Лагранжа

А вы знаете, приятно, черт возьми, быть первым. Ну понятно, Гагарин, Армстронг, который первый на Луне, Колумб наконец... Но ведь кто-то первый испытал, например, пенициллин – не придумал, а именно испытал, на себе. Кто-то купил Форд-Т и стал первым автолюбителем. Кто-то первым попробовал гамбургер. История их не помнит. Кстати, насчет гамбургера – на месте Макдоналдс я бы раскрутил этого человека и доказал бы, что только благодаря бигмакам и Кока-коле он стал председателем совета директоров какой-нибудь горнорудной компании. Что стоит рекламному отделу Макдоналдс купить небольшую горнорудную компанию и поставить туда своего председателя...

Ну ладно, я отвлекся. Я тоже стал первым. И мое звучное имя – Василий – как и имя Билла, будет прописано в энциклопедиях, в отличие от пожирателей гамбургеров. Мы с Биллом стали первыми обитателями станции Лагранж-5. Строго говоря, всей станции пока – жилой модуль, научный, оранжерея и модуль управления, он же центральный, с кучей стыковочных узлов; но это не важно: флаг поднят, приказ подписан, и мы заступили на дежурство.

Пару слов о том, что такое Лагранж. И тем более пять, хотя наша станция первая. Лагранж предсказал пять точек в

системе двух больших космических тел (например, Земля – Луна), в которых маленькое тело (космическая станция) сохраняет свое положение относительно больших тел, не затрачивая энергии. Хотя, вспоминая школьную физику, я считаю, что тело, вышедшее на орбиту с определенной скоростью, энергии не затрачивает. Но кто я против Лагранжа...

Итак, в точке Лагранж-5 повешена (подвешена) космическая станция. Мы ее первые обитатели. Мы: я – бортиженер, знающий, как этой посудиною управлять; Билл, биолог – двухметровый детина с застенчивой улыбкой и кулаками убийцы; а также обитатели оранжереи: бобы, ромашки и прочий укроп.

Мы перешли в модуль управления. Билл сразу рванул к своей любимой капусте, предоставив мне распаковать наши пожитки. Что ж, раз я не самый великий ботаник в окрестностях Луны, а всего лишь самый великий механик (ввиду отсутствия конкурентов), займусь распикиванием шмоток. Чтоб вы понимали, на Лагранж можно взять ограниченное количество вещей. Их меряют в граммах. Каждый грамм – примерно 1000 долларов США (стоимость доставки). Поэтому зубные щетки, бритвенные наборы и прочие полотенца были утверждены высочайшей комиссией и в плане раскладки сложностей не представляли.

Я картинно повисел у иллюминатора, хмуря брови и шевеля челюстью, как бы наблюдая за Луной, а потом принялся за работу. А что поделаешь: одно из условий контракта – нас

постоянно снимают, а потом из этого сделают фильм. Причем телекомпания платит больше, чем Международное Космическое Агентство, которое нас сюда и закинуло. Я увлекся распаковкой багажа и забыл телевизионные обязанности, то есть не вздыхал картинно, поднимая очередную тяжесть, и не смахивал пот со лба, опаляемого безжалостным Солнцем. Тяжести у нас, правда, нет, есть масса, а Солнце находилось с другой стороны станции. Телекомпания это было все равно. Через неполные пять минут на связь со мной вышел Генеральный Продюсер чего-то-там, и четко и понятно объяснил мне про контракт и про последствия его неисполнения. Эх, на службе бы нам так объясняли – я не про последствия, а про боевую задачу...

Ну ладно. Я вернулся к стыковочному узлу, выпятил челюсть, схватил очередной ящик и отправился в путь к жилому модулю, не забыв напяречь бицепсы. В невесомости это выглядело, наверное, здорово. Пролетая мимо иллюминатора, я затормозил, и, приставив ладонь козырьком ко лбу, уставился на Луну. Вот тут-то все и началось.

С поверхности Луны медленно всплывали какие-то светлые шарики, один за другим, выстраиваясь в цепочку. Медленно и величаво, как пузырьки в шампанском, шарики отправились куда-то в сторону Земли. Реакция у меня хорошая (с другой в космонавты не берут): бросив ящик, я рванул в жилой модуль. Врубив все внешние камеры, я заорал по громкой связи:

– Билл, ты это видишь?!

По моим прикидкам шарики были метров триста в диаметре и двигались с постоянной скоростью. Я насчитал 9 штук.

– Вижу – спокойно отозвался Билл. – Чего ты орешь, нас же предупреждали.

Это да, нас предупреждали.

До нас так далеко в космос забирались только астронавты миссии Аполлон. Все околоземные орбитальные полеты проходят на высоте 100-200 км от Земли, то есть в сильном магнитном поле Земли. Луна же находится на расстоянии около 4000 км. Как известно, все астронавты, начиная с Армстронга, видели что-то непотребное. Вот реально его (Армстронга) первые слова после прилунения: "Они огромные сэр! Громадные! О мой бог! Вы не поверите в это! Я говорю вам, что другие внеземные корабли здесь, они выстраиваются на отдаленной части Луны на краю кратера! Они на Луне и наблюдают за нами!". Разумеется, астронавты снимали все это на пленку, но при проявке ничего обнаружено не было. Причем с увеличением времени пребывания вдали от Земли галлюцинации усиливались, и, самое странное, люди видели одно и то же.

Что увидели астронавты Аполлона 17, осталось глубоко засекреченным (я даже сейчас не могу об этом рассказать), но миссии за номером 18, 19 и 20 отменили, хотя уже были

построены космические корабли и лунные модули.

Возникла гипотеза, что есть некое космическое излучение, от которого мы защищены магнитным полем Земли, и которое в глубоком космосе наводит стойкие галлюцинации. Одной из наших с Биллом задач было проверить: галлюцинации – это свойство именно Луны или вообще космоса.

Я связался с Землей. Земля, естественно, ничего не наблюдала, ни по нашим камерам, ни в свои телескопы. Ну и ладно. Нам бы две недели продержаться, а там смена. Хотя на космодроме стоит полностью готовый к старту спасательный корабль, готовый в любую минуту броситься к нам на помощь. Ну как в любую минуту: готовность к старту – сутки, и еще сутки до нас лететь... Да, что-то я раньше времени о спасателях размышлял. Работать надо!

Началась работа. Билл пропал в оранжерее, я же запустил все функции жилого модуля и потратил два дня на настройку оптимальных параметров, как-то: температура, давление и влажность воздуха, содержание в означенном воздухе кислорода и углекислого газа; работа системы пылеудаления и, извините, корректная работа туалетов и т.д. Не скрою, наибольшее удовольствие мне доставила проверка на себе банного комплекса – смесь парилки, душевой кабины и пылесоса.

За эти два дня в ближайшем космосе творилось черт знает что: летающие тарелки совсем распоясались и стали

подлетать вплотную к станции. Тарелками я их называю по привычке – вообще-то они представляли собой здоровенные сферы, покрытые всякими неприятно шевелящимися отростками. Эти сферы завели гнусную привычку зависать рядом, выдвигать нечто вроде трубы диаметром около метра и приникать этой трубой к нашим иллюминаторам. На конце трубы было что-то вроде здоровой линзы, то есть за ней все расплывалось, но периодически к линзе приникали маленькие (сантиметров восемьдесят) зеленые человечки и наблюдали за нами – вот тогда зеленых можно было рассмотреть во всех подробностях. Понятно, что это были галлюцинации, но интересно, что у нас с Биллом даже подробности совпадали. Телевизионщики сходили с ума – они-то ничего не видели. Их главный был готов лететь на станцию лично – остановила его только явная бессмысленность такого шага: камеры ничего не фиксировали, а на слово работнику телевидения никто не поверит.

Перелом наступил на третий день, когда я перешел в научный модуль. Вскрыв панель очередного блока, я невольно отпрянул и тут же врезался головой в условный потолок – невесомость, однако. За панелью, свернувшись кольцом, лежала змея – не так чтобы большая, места в электронном блоке не много – но очень мерзкая. Я с детства боюсь и ненавижу змей, хотя они мне отродясь ничего плохого не сделали. Это что-то иррациональное – даже если змею показывают по телевизору, я переключаю программу. Змея, похоже,

была дохлая. Я схватил какую-то штангу, мусорный мешок, запихнул туда змею и выбросил мешок в утилизатор. И тут до меня дошло – надо было звать Билла, он все-таки биолог, да еще с мировым именем, если верить его словам.

Билл висел в странной позе, как бы сидя на корточках, и задумчиво смотрел внутрь развороченного пылесоса (таких в оранжерее было несколько, для сбора мертвых листьев и прочего мусора).

– Что? – спросил я.

– Пауки – коротко ответил Билл.

– И где?

– Как видишь, нету.

– А у меня змея.

– Это очень интересно – абсолютно равнодушным голосом сказал Билл.

– Что будем делать?

Мы попытались связаться с Землей, но по всем каналам было только невнятное шипение. Я вспомнил свою змею, и меня опять передернуло. С телевизионщиками связь была, но через слово. Кое-как они объяснили, что на Солнце сильная буря и со связью могут быть проблемы.

– Проблем... – задумчиво пробормотал Билл.

Я предложил посмотреть записи камер – до этого у нас времени не было, мы верили на слово Земле, что ничего не

происходит, а у нас глюки, пусть и не простые.

Просмотр нас потряс – камеры фиксировали ВСЕ – от первых шариков до практически стыковки зеленых со станцией. Так кто кому врет? Билл кинулся к пульту связи – шипение по всем каналам.

– Слушай, если у нас совместные галлюцинации, так может и то, что на записи все есть – нам только кажется? – неуверенно предположил я. Великий биолог посмотрел на меня как на амебу простейшую, которую и препарировать-то не интересно, и ничего не сказал.

– Может, пообедаем, раз такое дело?

– Готовь, я сейчас – хмуро буркнул Билл и полетел в свою оранжерею.

Я не успел долететь до кухонного автомата, как из своего модуля со сдавленным криком вылетел Билл. Дико вращая налитыми кровью глазами, он тыкал рукой в сторону оранжереи, пытаясь что-то сказать. Я осторожно заглянул внутрь.

Оранжереи не было. Сразу за шлюзом начинался город, причем город горел и рушился. Вспоминая потом все это (а вспоминать меня заставляли профессионально, подробно и многократно), я отметил, что все было совершенно беззвучно, хотя грохот от рушащихся домов должен был стоять неимоверный. При этом в лицо мне явственно ударило волной жара и гари. А посреди этого ада к нам шла девушка невероятной красоты, одетая в легкое платье и волочащуюся по земле накидку. Рядом с ней падали кирпичи и бетонные

блоки, она легко проходила по лужам горящего бензина, но все это не причиняло ей не малейшего вреда.

Девушка прошла сквозь шлюз прямо на меня. Я невольно посторонился и отплыл в сторону. Наша гостья, не сбавляя шага, прошла сквозь модуль управления к противоположному шлюзу. Причем она цокала каблуками по воздуху, как по твердой дороге, и невесомость на нее не действовала, то есть и накидка не всплывала, и волосы не топорщились в разные стороны. Противоположный стыковочный узел был пустой, поэтому шлюз был задраен, как положено – на четыре электронных замка, открываемых с пульта, и основной механический, для открывания которого нужно было вращать здоровенный и очень тугой штурвал. Как только девушка появилась в нашем модуле, все четыре электронных замка сработали с громким щелчком, а штурвал стал вращаться на открывание с дикой скоростью. Я рывком бросился к штурвалу, но на середине моего полета какая-то сила толкнула меня назад и впечатала в переборку. Краем глаза я видел, как Билла тоже что-то придавило к стене – он извивался, как раздавленный червяк, но с места сдвинуться не мог. Люк шлюза распахнулся. Одновременно открылся и внешний люк, и мы увидели звезды. Причем, что характерно, воздух не вырывался со страшной скоростью в открытый космос, увлекая за собой все незакрепленные предметы и нас с Биллом, а оставался неподвижен, как будто ничего не происходило.

Когда девушка подошла к открытому люку, она на миг остановилась, и мы услышали голос – глубокий, мелодичный, прекрасный, как и все в этой незнакомке, но абсолютно равнодушный:

– Они идут. Вам их не остановить. Земле конец – и вышла в открытый космос.

Люк сам собой закрылся, щелкнули замки, штурвал завертелся в обратную сторону. Сила, прижимающая нас к переборкам, исчезла. Я кинулся к оранжерее. Там по-прежнему царил ад.

Целых домов не осталось, руины пылали, но не это было самое страшное. Из-за горизонта на город напозала Тьма. Земля с остатками зданий, скелетами деревьев и остатками машин беззвучно рушилась куда-то в бездну, Тьма приближалась медленно, но неумолимо. В этой крошечной темноте медленно загорались и гасли тусклые огоньки, как будто кто-то огромный лениво приоткрывал глаза, безразлично поглядывая на раздавленный асфальтовым катком муравейник. И вот от этого было по-настоящему жутко.

Билл за моим плечом забормотал:

– Надо их не пустить, здесь переход в наш мир, надо уничтожить Станцию...

Он ринулся к пульту и, зацепившись ногами за скобы, стал лихорадочно щелкать переключателями. Я метнулся за ним.

– Билл, – кричал я, – это глюки, никого нет!

Я схватил его за плечо, рванул на себя, и в этот момент мир вспыхнул яркими искрами и погрузился во тьму.

Когда я пришел в себя, голова страшно болела, левый глаз практически не открывался. Я медленно восстанавливал цепь событий. Похоже, я пропустил фирменный хук Билла. Невесомость невесомостью, но массу (кулака, например) никто не отменял.

Тут включился мой слух, и на меня обрушился громкий голос из динамиков:

– Лагранж Пять, отвечайте, Лагранж Пять, что у вас происходит, Лагранж Пять Земле, доложите обстановку... – чувствовалось, что оператор ЦУПа бубнит не один час и порядком устал. Его периодически перебивали истерические крики телевизионщиков:

– Билл, Вася, почему нет картинки, где звук?! Это нарушение контракта!

– Плевать хотел я на твой контракт – пробормотал я и направился к пульту управления.

Сжав микрофон в руке, я как можно громче и, как мне казалось, спокойнее, произнес:

– Все в порядке, ситуация штатная, высылайте спасателей, мы сошли с ума. – Оператор на экране поперхнулся, выпучил глаза и явно хотел что-то сказать, но в этот момент Станция дернулась, и я с прочим мусором медленно поплыл к противоположной стене. Надо сказать, что задержка сигнала между ЦУПом и Лагранж-5 составляет три секунды, поэто-

му мудрых сентенций оператора я не дождался. Кое-как извернувшись, я от чего-то оттолкнулся и снова добрался до пульта. Привычно зафиксировавшись, я оценил обстановку. Если бы у меня были волосы на голове, я бы наверняка стал похож на морского ежа.

Этот сукин сын выбросил в космос все горючие для двигателей ориентации Станции. Мало того, сам он находился в спускаемом модуле и дал импульс, направивший Станцию к Луне. Его расчет был прост: не имея топлива, Станция рухнет на Луну и погибнет со всеми переходами в иные миры и прочей чертовщиной. Я врубил внутреннюю связь:

– Билл, ты идиот, прекрати немедленно!!!

Он глянул в объектив и ответил улыбкой безумца:

– Все кончено, они не пройдут!

– Билл, ты на самом деле идиот!

Я кинулся к шлюзу спускаемого модуля и заблокировал люк изнутри.

Билл мало того, что идиот, он еще и физику не знает, даже в пределах школьного курса.

В спускаемом модуле горючего ровно столько, чтобы обеспечить импульс в сторону Земли и пару маневров перед входом в атмосферу. Но рассчитано это все на массу модуля и двух человек внутри. Полная масса Станции в десятки раз больше. Да, столкнув всю эту массу с орбиты, пускай и слабым импульсом, можно предположить, что все это рано или поздно рухнет на Луну. Но тем и хороша точка Лагранжа

за номером 5, что тело малой массы вернется обратно, ибо в Лагранжах 4 и 5 гравитационные впадины, в отличие от первых трех, которые расположены строго по линии Земля – Луна, и которые не устойчивы. Кому интересно – почитайте учебник астрономии.

Другими словами, точки 5 и 4 устойчивы – тело, выпав из них, возвращается обратно. Еще проще, не упадет наша станция на Луну.

Инопланетянин в иллюминаторе строил мне уморительные рожицы и приплясывал всем телом. Я помахал ему рукой, и, устало вытянувшись, приготовился ждать спасателей.